

ГОРОДСКАЯ СТРАЖА

ОНИ НЕ ПРОЙДУТ!

Пацаны согнали малышню с карусели на детской площадке. Они изнывали от скуки, когда к ним подошел Сенька.

– Ну и как? – прищурился Мишка.

– Ништяк. Коньяку напился.

– Гонишь!

– Сам ты гонишь! Смотри! – Сенька приоткрыл рюкзачок. В нем лежал фейерверк.

– Ни хрена себе. И чо?

– Чо-чо! Запускать будем.

– Где? Когда?

Найдем где.

Сегодня Сенька был героем дня и «командовал парадом».

Вчера его сестра вышла замуж. Свадьбу гуляли в кафе. Сначала бабка бдила за Сенькой во все свои «четыре глаза», и он только на салаты налегал. Зато потом, когда молодежь плясала, мужики курили на улице, а бабка с матерью шептались в сторонке, он посливал в бокал с газировкой водку и коньяк из недопитых рюмок и быстро проглотил напиток.

Гадость жуткая, зато потом так весело стало. Сначала он смеялся, не пойми чему, а потом его тут же за столом и вырвало. Голова разболелась, и взрослые отвели Сеньку на диванчик в кабинете администратора.

Проспал он недолго. Музыка гремела – мертвого поднимет. Выходя из кабинетика, мальчик споткнулся о коробку с фейерверками. Их приготовили, чтобы запустить, как стемнеет. Сенька и стянул один. Понадеялся, что не заметят – пьяные же все.

– В Гебаура пойдём, – важно скомандовал он.

– Ты чо, дурак? – фыркнул Мишка. – Фейерверки на открытом месте запускают. Да и что ты там увидишь? В пещере неба нет.

– А на хрена нам небо! Типа эксперимент будет. Может, от взрыва внешние слои со стен отвалятся, а под ними рисунки древние или еще что. Прославимся, даже премию дать могут, - гнул свое Сенька.

– Не, я не пойду. Стремно как-то.

– Ссыкло! – сплюнул Сенька. – А ты, Ден?

– Я с тобой. Прикольно же.

И они отправились в пещеру.

– Отбежать-то успеем? – при виде темного проема у Дениса появились сомнения.

– Не мороси! Мы далеко заходить не будем. Лучше камней набери, фейерверк обложить, чтоб он прочно стоял. Лишь бы бахнуло.

И оно бахнуло. Ден из осторожности в сторонку отошел, а Сенька как раз напротив входа стоял. Очень ему хотелось поглядеть, как полыхнет внутри. Никаких разноцветных россыпей он, конечно, не увидел. Но вспышка получилась сильной, парень аж зажмурился, и грохот раздался такой, что уши заложило.

А потом из пещеры повалил черный дым. Сенька еще удивился: там вроде и гореть нечему. Эта мысль была последней перед тем, как мальчик потерял сознание. Вязкая плотная чернота окружила его, облепила, сжала. Глаза перестали видеть, руки не поднимались, грудь сдавило. Он словно погрузился в эту страшную черноту, растворился в ней.

Денис, как только грохнуло, упал плашмя. Увидев выплывающее из пещеры черное облако, он быстро отполз подальше и вжался в землю. Опустив лицо, Ден закрыл голову руками.

Когда мальчик осмелился открыть глаза, он увидел друга, лежащего на земле без признаков жизни. Черное облако как будто испарилось. Ден кинулся бежать, не чуя под собой ног.

Он уже пронесся через висячий мост на Красном камне и запаленно остановился, чтобы перевести дух перед крутым подъемом, и тут ему стало стыдно. Он же друга бросил. А вдруг Сенька не совсем еще умер? Ох, и влетит им!

Поколебавшись, Денис набрал номер Мишки:

– Ты скажи тете Вале... Их Сенька похоже того, умер.

– Взорвался?

– Не... Не важно... Ты скажи, вдруг он еще живой.

– Так жив или умер?

– Не знаю я.

– Сам скажи.

– Да я еще только на Красном камне. Вдруг там «скорую» надо или что.

Свадьбу догуливали дома. Двери Мишке открыла веселая раскрасневшаяся Сенькина мать.

– А Сени нет.

– Тетя Валя... он это... типа умер...

– Ты что мелешь, дурак! – женщина все еще улыбалась.

– Да они там взрывали в гебауэрской...

– Саша! Саша! – не своим голосом закричала женщина. Муж нехотя поднялся из-за стола. Узнав о случившемся, он схватился было за ключи от машины, да куда там, после выпитого-то. Постучался к соседу, тот без лишних слов спустился во двор заводить автомобиль. Валентина в это время звонила в «скорую».

Когда родители подъехали к спуску, ведущему к пещере, медики уже подняли мальчика и загружали носилки в машину.

Сеня был в коме. Его поместили в палату реанимации, подключили к аппаратам. Однако причину, вызвавшую критическое состояние подростка, медики установить не смогли.

Взрыв фейерверка, устроенный мальчишками, вызвал небольшое землетрясение. Вроде и потрянуло несильно, но в образовавшиеся щели пролезли, просочились силы Зла, замурованные в подземных глубинах. Первой их жертвой стал Сенька. Теперь они устремились в Сухой Лог. Сначала покружили в вышине, изучая местность, чтобы с наступлением темноты, когда мощь их утраивается, ринуться в атаку.

К вечеру солнечного летнего дня в воздухе появилась едва различимая дымка. Прохожим стало трудно дышать.

– Опять где-то выброс, – сетовали горожане, спеша по домам и закрывая в квартирах окна и балконы.

Сухой Лог напрягся. Он чувствовал приближение нашествия и готовился отразить вторжение. Мозаичные пионеры на фасаде Центра дополнительного образования ожили. Барабанщик забил тревогу: «Та-та-та-та-та, та-та-та-та-та!». Девочка отыскала в заветной тетрадке подходящую речевку:

Красный галстук – это свет,
Красный галстук – наш завет,
Красный галстук – против тьмы,
Красный галстук – это мы!

Вторая девочка выпустила белых голубей, и они разлетелись по городу, собирая ополчение.

Силы Зла кинулись на фасад ЦДО. Растрескался и замолчал барабанщик, черной кляксой залепило лицо пионерки, громко читавшей речевку. А вот голуби уже упорхнули. От досады злые силы обрушили мозаичную девочку. Но на аллее по улице Фучика уже звонил колокол на мемориале в память о пропавших без вести. Уже статуя Ленина на площади повернулась на постаменте на 180 градусов и, вскинув руку в классическом жесте пророкотала: «Вчера было рано, завтра будет поздно. Вперед, товарищи!». Она указывала на мчащиеся к площади злые силы. Тут-то и произошла решающая битва.

Музы спустились с фасада Дворца культуры. Отчеканенные из металла, они были словно воины в блестящих латах. Терпсихора закружила Тьму тысячами плясуний. Эвтерпа отложила свою флейту и грянула такой тяжелой рок в 150 децибел, что никакие человеческие уши этого не выдержали бы. Мельпомена кромсала врага своим мечом. Строитель с памятника Ленинскому комсомолу цеплял темные силы крюком от крана и мотал их туда-сюда. Фонтан бил захватчиков всеми своими семнадцатью струями.

Порождения мрака ожесточенно сопротивлялись. Вот полетели наземь лучи звезды с ордена на памятнике комсомолу, отчеканенные тела муз покрылись трещинами и вмятинами, семь труб фонтана забились и не могли больше хлестать противника водяными струями.

Неужто Тьма накроет Сухой Лог? Неужто победят Злые силы? И тут на площадь влетел БТР. Над ним развевалось красное знамя с памятника героям гражданской войны, а сам красноармеец в буденовке, прильнув к пулемету, принялся поливать свинцовым дождем вражескую рать. Пулеметные очереди рвали темные силы в клочья. И воспряли побитые Музы, и прочистились трубы фонтана, и ярче засветились фонари. Дрогнули силы Зла, отступили, побледили, а потом и вовсе растаяли.

«Битва со Злом, о необходимости которой все время говорили большевики, завершилась. Победа, товарищи!» - провозгласил памятник Ленину и вернулся в обычное положение. В одно мгновение ока красноармеец со знаменем оказался на своем месте в гортопе, а БТР – на постаменте в сквере на Милицейской. Целехонькие Музы вернулись на фасад «Кристалла», восстановился орден на памятнике комсомолу, а молодой рабочий отер со лба пот и замер возле своего крюка. На фасаде ЦДО пионеры, как ни в чем не бывало, били в барабан, читали, выпускали голубей. Едва заметно колыхалась вода в затихшем фонтане.

Уже совсем недалеко было до рассвета, но на черном бархате неба еще сияли россыпи звезд. Вдруг одна из них сорвалась и понеслась к земле. Ее косой стремительный прочерк и увидел Сенька, удивленно открывший глаза в больничной палате.

ЗАДАНИЕ НА КАНИКУЛЫ

До начала учебного года оставалась неделя, но к заданию по географии Лена так и не приступила. Это ж надо было додуматься на лето работу задавать! Училка сказала, по желанию. Так вот нет у Лены никакого желания. Да и что можно написать на тему «Я живу в Сухом Логу»? Местоположение города, его ландшафт, население, экономика, достопримечательности – всё жевано – пережёвано. Скучота! Пусть отличники упираются. А вот тетради, ручки покупать и в самом деле пора.

Леночка отправилась в торговый центр «Октябрь», где был маленький магазинчик, торгующий канцелярскими товарами. Однако вместо полок и витрин с тетрадями, блокнотами, альбомами, дневниками девушка увидела вешала с одеждой.

– Может, они в другое место переехали, - со слабой надеждой подумала Лена и принялась обходить торговый центр. Тут одежда и там одежда, банкомат, швейное ателье, церковная лавка. Внизу – «Магнит-косметик», на втором этаже юридические услуги, образовательные услуги, продажа и ремонт обуви и опять одежда, одежда, одежда.

Лена прислонилась спиной к стене, соображая, идти ли в «Детский мир» на Горького или можно найти канцтовары где-то поближе. По такой жаре куда-то тащиться совсем не хотелось. Девушка со вздохом прикрыла глаза, а когда подняла ресницы, увидела грязные резиновые сапоги. Она переступила ногами, сапоги тоже сделали шаг на месте. Над чёрными резиновыми голенищами написал цветастый подол. Лена хотела потрогать его двумя пальчиками, но на её руках оказались грубые рабочие рукавицы.

– Это у меня от духоты глюки, – подумала девушка, – надо скорее на воздух.

Но стоило ей оглянуться, Лена обнаружила, что она и так находится не в помещении, а на какой-то большой стройплощадке. Уже выкопан глубокий котлован и начата заливка фундамента.

– Нюра, ты чего застыла? Берись давай! – услышала девушка и увидела, что стоит возле носилок, нагруженных песком и её поторапливает напарница. Вокруг, занятые каждый своим делом, трудились десятки юношей и девушек.

Носилки оказались так тяжелы, что Лена готова была тут же выпустить их из рук. Но сделать этого не успела. На стройплощадке возникло какое-то оживление.

– Смотри, корреспондент! – напарница мотнул головой в сторону художавого мужчины с фотоаппаратом. Молодые люди сгрудились возле него. Опустив носилки, поспешили к фотокору и Лена с подругой. То, что дошло до девушки из разговора с представителем районной газеты «Знамя коммунизма», повергло ее в шок. Выяснилось, что на календаре 1959 год. Только-только начато строительство первого в городе кинотеатра. Строителям помогают комсомольцы райисполкома, госбанка, торгова, артели «Бытовик». Вот и они, молодые библиотечные работники, вышли на субботник.

– А правда, что на первый сеанс тех, кто строил кинотеатр, пригласят? – выпрашивала у журналиста бойкая рыженькая девушка маленького росточка.

– Есть такое предложение, - подтвердил фотокор.

– Как вы думаете, нас тоже позовут? – продолжала любопытствовать невеличка.

– Почему бы и нет? – пожал плечами мужчина. – Зал рассчитан на 520 человек. Наверное, места всем хватит. Ну, все, поговорили, – неожиданно сменил он тон. – Как вы трудитесь, я уже снимал. Теперь общее фото. Становитесь!

Заметив, как симпатичная черноглазая девушка поправляет чёлку, глядя в карманное зеркальце, Лена робко попросила: «Дай и мне на минутку». То, что она увидела, не на шутку испугало ее. В зеркале отражалось чужое лицо. Это была совсем не Лена. И в тоже время в чертах незнакомки девушка находила что-то узнаваемое.

– Нюра! Вострецова! Хватит красоту наводить! – позвали её коллеги, и Лена быстренько пристроилась к библиотекарям, выстроившимся для памятного снимка. В какой-то момент она вдруг посмотрела на девушек глазами фотографа, и тут же вспомнила, что когда-то видела эту карточку в старом альбоме у бабы Ани.

Нюра Вострецова. Господи! Это же её прабабушка Вострецова Анна Григорьевна. Это её юное лицо видел Лена в зеркале. Она что, в свою прабабушку превратилась? В прошлое перенеслась? Как? Зачем? Почему?

Лена отчаянно завертела головой и обнаружила себя стоящий у стены торгового центра.

Не успела девушка облегченно выдохнуть, как услышала тихий голос:

– Что, испугалась? Скажи, круто?

Лена со всех ног бросилась с этого страшного места. Но едва она слетела со ступенек, как солнечный свет померк. Оглянувшись, девушка увидела, что на улице вечер, зажглись фонари, а торговый центр выглядит совершенно по-другому. Его фасад украшали уже не синие стеклянные панели, а мозаичное панно, на котором горели пятиконечные звезды и развивались красные флаги. «Ну конечно, - подумала девушка, - Октябрь же, революция».

– Ты куда пропала? Я уж думал, не придёшь! – к ней навстречу с крыльца спустился парень: волосы длинные, кофта от спортивного костюма, джинсы-бананы. Лицо тоже какое-то знакомое и незнакомое.

– Пойдём скорей, - потянул он её за руку, – уже первый звонок дали. Увлекаемая в кинотеатр, Лена успела увидеть большую афишу. Они шли смотреть фильм «Курьер».

В фойе девушка впиалась взглядом в зеркало. Её подстриженные каскадом волосы украшала высоко взбитая химическая завивка. Одежда была не столь вызывающая: юбка как юбка, туфли как туфли, кофточка розовая. А вот лицо... Лицо у неё опять было чужое.

– Светка, ну ты чо? – легонько дёрнул её за рукав спутник, и, разглядев его в зеркале получше, девушка ахнул от своей догадки. На этот раз она превратилась в собственную бабушку, Светлану Михайловну. Рядом с ней стоял её будущий дед, Юрий Петрович Пряхин.

Потом всё было, как положено: рука в руке в темноте зала и спортивная кофта, накинутая на плечи девушки по дороге домой. Только вот когда парень потянулся к ней, чтобы поцеловать, Лена резко отпрянула: разве можно с родным дедом целоваться?!

Она торопливо рванула дверь подъезда, но вместо лестницы, тускло освещённой слабенькой лампочкой, увидела просторное помещение,

залитое рассеянным зимним солнцем. На стенах висели картины. Только так высоко, что и не разглядишь, и все вокруг такие большие.

– Мама! – Лена схватилась за подол знакомой зелёной юбки, и женщина подняла её на руки.

– Тише, Верочка, тише!

И тут Лена поняла, что она находится на какой-то художественной выставке, куда преподаватель начальных классов Светлана Викторовна привела своих второклашек. Только Лена в этот момент совсем не Лена, а её собственная мама в возрасте двух лет. Видимо, бабе Свете не с кем было оставить малышку, вот она и взяла её с собой.

Так странно разглядывать работы учащихся художественной школы, сидя на руках.

– Лисики! – показывает девочка пальчиком на необычный пейзаж.

– Листики! Умничка ты моя! – улыбается Светлана Викторовна и обращается к своим ученикам: - Ребята, обратите внимание, картины можно рисовать не только карандашом и кисточкой. Эти работы выполнены с помощью листьев. Пейзажи, натюрморты, панно. Это очень тонкая, можно сказать, ювелирная работа, требующая особого умения и большого терпения.

Спускаясь со второго этажа кинотеатра «Октябрь», Лена в облике своей мамы, двухлетней малышки, шлёпнула ладошкой по балясине лестницы и снова очутилась в сегодняшнем дне у стены торгового центра.

– Ну и как? – спросил её неизвестно откуда звучащий голос.

– Отпусти меня! – мысленно взмолилась девушка.

– Я думал, тебе понравится.

– Кто ты?

– Кинотеатр «Октябрь».

– Да ну!

– Представь себе.

– Зачем ты это делаешь?

– С тоски.

– С тоски?!

– А что бы ты чувствовала? У меня было прекрасное рождение, годы расцвета: фильмы, выставки, вечера отдыха, а потом всё рухнуло. Меня перекроили, изуродовали. Теперь часть помещений пустуют, в других арендаторы меняются – и никто меня не любит, никому я не нужен так, как был нужен когда-то. Я всё прокручиваю в памяти кадры своих прожитых лет и современные реалии не пропускаю. Вроде как кинохронику снимаю.

– А я-то тут при чем?

– Ты – мой эксперимент – попытка создания игрового кино. Когда бы тебе выпало побывать в роли собственных прабабушки, бабушки, мамы? Признайся, круто было.

– Да уж... Хоть бы предупредил!

– Не злись. Ты такая красивая.

– Ты поэтому меня выбрал?

– И поэтому, и потому, что вся твоя семья живет в Сухом Логу и так или иначе связана со мной.

– Многие, наверное, связаны.

– Многие, и всех я помню, люблю и жду.

– Ну, ладно, я пошла?

– Счастливо тебе!

Не помня себя, Леночка прибежала домой. О том, чтобы отправиться куда-то за покупкой канцтоваров, уже не могло быть и речи. Умывшись холодной водой, девушка включила ноутбук. Пальцы запорхали над клавиатурой: «Я живу в Сухом Логу». Теперь Лене очень хотелось выполнить задание, данное на каникулы. Теперь она знала, о чем будет писать.

НОЧНЫЕ РАЗГОВОРЫ

– Что это было? Затмение на нее нашло? Сглазили? Порчу навели? Сейчас Надежда Петровна и сама не могла понять, как она на такое решилась. Махом продала свою квартиру в Перми и переехала жить к дочери в Сухой Лог.

На общие деньги они купили трехкомнатную квартиру, и поначалу все шло хорошо. Надежда Петровна с внучкой водилась, да и хозяйство было на ней. Люсенька в школу пошла – новые заботы: отвести, привести, накормить, погулять, за уроки усадить, в кружок проводить.

Так и шло все своим чередом, а потом как будто сломалось что-то в душе у Надежды Ивановны. Люсенька выросла, сама теперь везде ходит. А дома все с телефоном да за компьютером сидит. Слова бабушке не скажет, даром, что они в одной комнате размещаются. Да и это стало неловко. Внучка жалуется: бабушка храпит, ночью часто в туалет встает, пахнет от нее. Зять разве что «спасибо» иногда после ужина скажет, а так тоже все молчком. После работы в телевизор пялится: политику да футбол смотрит, пока так и не задремлет в кресле. Дочь часто работу на дом берет. Запретса в спальне: не мешайте!

Уйдет Надежда Петровна на кухню, чистую плиту еще раз протрет, в окно поглядит. Зачем она тут? Никому не нужна. Да что «не нужна» - мешать стала. Хотя, чем она мешать может? От нее и так, считай, безмолвная оболочка осталась. Руки еще шевелятся, привычно делают что-то, а душа болит от пустоты, неприкаянности. Хоть бы скорей Господь ее прибрал – восьмой десяток пошел, зажились, наверное.

Так думала Надежда Ивановна, сидя на лавочке на городской площади. Она сегодня впервые ушла из дома вечером. Так ведь и не заметил никто. Во дворе не хотелось перед соседями «светиться». Они на Кирова живут: до площади – два шага. Туда и направилась женщина. Села в сторонке, чтоб не на виду, и сама не заметила, как под горестные свои мысли заплакала.

Однако стоило Надежде Ивановне всхлипнуть, как ей послышался шепот. Тихий, шелестящий, он шел откуда-то сверху. Женщина нахмурилась, прислушиваясь. Потянуло ветром, и голос стал отчетливей.

– Надя, Наденька, Надюша, Надежда! – прошумело над головой.

– Кто? Кто здесь? – женщина в испуге сорвалась с места и задрала голову. У лавочки росла береза. Звук шел из ее ветвей.

– Ну, что за люди, – трепетала листва, – только что с жизнью готова была проститься, и тут же вскочила, как ужаленная. Бежать готова, спастись, на помощь звать. Испугалась. Жить хочется. Вот и не надо попусту смерть призывать.

Надежда Ивановна застыла на месте, не в силах поверить в происходящее.

– Да не стой столбом, садись уже, – шелестела береза. – Тебе ж обидно было, что с тобой не разговаривают. Вот и поговорим.

Женщина безвольно опустилась на лавочку. Она сходит с ума. Завтра ее увезут в психушку. Это конец.

А береза гнула свое:

– Ты чего это на внучку обиделась? Не нужна ей, видите ли, теперь. Ты что, хотела бы навсегда ее трехлетней оставить, чтобы ей нос вытирать и за ручку водить? Девочка растет, радоваться надо. Это что ж мне тоже прикажешь горевать и плакать, когда с меня листья облетают? Или птицам от горя с ума сходит, когда птенцы на крыло становятся?

– Так ведь у тебя весной снова листья вырастут, и птица еще птенчиков высидит, а я...

– Ну, конечно, птицы никогда не стареют, и деревья не умирают! У каждого своего срока роста, цветения, плодоношения и ухода. Это надо понимать, принимать, а не биться головой в стену.

– Так я же не о том печалюсь, что Люсенька большая становится.

– Ну да, как же я забыла: ты печалишься, что родным не нужна. А ты не задумывалась о том, что скоро не ты им, а они тебе нужнее будут?

– Не дай Господь! Что ты!

– Значит, тебе можно о близких заботится, а им о тебе нельзя?

– Что ты меня путаешь! Береза и есть береза, чурка деревянная!

– Ну, это еще вопрос, кто из нас глупее. Ты телефон-то из кармана достань.

Надежда Ивановна вытащила телефон, поставленный на беззвучку, и ахнула: десять пропущенных звонков.

– Довольна? Свела родных с ума?

– Ну тебя! – женщина сорвалась с лавки.

– Стоять! – грозно прошумела береза. – Хочешь, чтобы с тобой говорили, вникай в жизнь близких, а не только борщи подавай. Что там за политические программы смотрит зять? За какую футбольную команду болеет? Что у дочери на работе творится? Какой мальчик внучке нравится? Почему ей химия не дается? Ты сама превратила себя в безгласную прислугу, и нечего на родных обижаться. Да и займись уже чем-то: с палками ходи, в хоре пой, макраме плети, компьютер, наконец, освой.

– Все! Все! – замахала руками Надежда Ивановна и поспешила к дому. Вслед ей неся шелестящий голос уже не одной березы, а всех деревьев и кустарников, растущих на площади: «Нужна, нужна, нужна!».

Во дворе ей навстречу рванула дочь:

– Мама! Мамочка! Ты где? Зачем? Мама! – она обняла Надежду Ивановну, и обе женщины с облегчением заплакали.

Лариса Викторовна подошла к своему дому на улице Победы, уже достала было ключ от подъезда, но вдруг замедлила шаг и опустилась на скамейку. Давно стемнело, а она только-только возвращалась с работы. Сил уже ни на что нет, а дома недовольный угрюмый муж, невыученные уроки сына, пустые кастрюли и гора немытой посуды.

Зря она согласилась. А как отказаться? Такой шанс: руководящая должность, карьерный рост. Ей и в голову не приходило, чем все обернется. Саму работу Лариса знала отлично и прекрасно видела, что надо предпринять для того, чтобы все шло без сучка, без задоринки. А вот с коллективом у нее никак не получалось. Хотя их всего-то пять женщин в отделе. Чего бы делить? Но не воспринимают ее сотрудницы, и все тут.

Верочка сдала отчет с грубейшими ошибками. Лариса Викторовна вернула ей халтурную работу, указала где и что следует исправить, а Верочка ей в ответ:

– Если вам дурно спалось, нечего на других отыгрываться!

Светочку послала на конференцию, а она там и не и появлялась. Врала потом до последнего, пока к стенке не приперли.

Вчера Ирина пришла на работу мрачнее тучи. Сидит в окно смотрит, ничего не делает.

– Что случилось?

– Сына больного одного дома оставила, так волнуюсь, что ничего в голову не лезет.

– Так пойдите домой. Если дело совсем плохо, вызовите врача и останетесь. Если ничего страшного – вернетесь.

– Нет, – говорит, – не пойду. И опять сидит бездельничает, якобы переживает.

Вот и приходится теперь Ларисе Викторовне допоздна задерживаться, чтобы за всех прорехи латать.

– Ну, и надолго ли тебя хватит? – раздался сухой скрипучий голос.

– Кто здесь? – женщина вскочила со скамейки.

– Кто-кто! Сиди, не прыгай, – звук шел как будто из-за спины и откуда-то снизу. Лариса машинально подчинилась, но, снова сев, принялась оглядываться и даже под скамейку заглянула.

– Да я это, я с тобой говорю. (Женщина ощутила телом какую-то слабую вибрацию). Я – скамейка.

– Все, доработалась... – Лариса Викторовна пришла в отчаянье и безутешно заплакала.

– Люди, люди... – словно не замечая ее состояния, продолжала скамейка. – Никак до вас не доходит, что все вокруг живое. Вот ты сидишь тут вконец измочаленная, а посуде в засохших обедках думаешь лучше? А постели с утра неубранной? А компу твоему, который ты, так же, как и себя, заездила?

– Господи! Что она несет, – подумала женщина, как будто уже примирившись с тем, что с ней говорит скамейка.

– Всем жизнь портишь!

– Я?!!

– Ты, ты! Дом запустила, на близких времени не остается. А с собой что сотворила?

– С собой? – не поняла Лариса.

– Ты на себя в зеркало смотришь? На сколько килограммов поправилась с тех пор, как начальницей стала? От постоянного стресса жуешься, не переставая.

– Я не нарочно. Как-то само...

– Ты что вообще своей глупой головой думаешь?

– Почему это глупой?

– Потому что умные женщины так себя не ведут. Ты чего ждешь?

– Что как-то все наладится.

– Подними голову. Что у тебя за спиной растет?

– Сирень.

– Сколько надо времени ждать, чтобы сирень стала яблоней или черемухой?

– Нисколько. Что за глупость!

– А ждать, что твои мегеры станут белыми и пушистыми – не глупость?

– Так что же делать?

– Ты что, дикая? В лесу живешь? По управлению кадрами книг – море. Курсы предлагают – только выбирай. Чем допоздна за своих лентяек работу делать, лучше самообразованием займись, начальница.

– Учиться?

– Именно. Хотя вся наука заключается в двух приемах – кнут и пряник, пусть и называются они нынче мудреными словами: «мотивация», «стимулирование».

– Откуда же ты знаешь все это, деревяшка крашенная?

– Давно стою тут. На мне ведь за эти годы кто только не сидел. А каждый человек – это свои знания, своя история, свои печали.

– А... – Лариса Викторовна открыла рот, чтобы спросить, почему раньше скамейка никогда с ней не разговаривала, но тут открылась подъездная дверь, и из нее вышел Ларисин муж.

– Ты что тут? И телефон не отвечает. Мы с Лешкой уже искать тебя собрались. Пошли домой! – он поднял со скамейки сумку жены.

– Ой! – всплеснула руками та. – Пельмени-то, наверное, совсем растаяли.

Гриня влетел на детскую площадку возле ЦДО, с размаху бухнулся на сиденье и стал со злостью раскачиваться. Было уже темно. Улицы затихли, и скрип качелей раздавался особенно громко.

– Живите себе, радуйтесь! – с ненавистью думал мальчик. – И я жить буду, без вас обойдусь!

– И где? И где? – проскрипели качели.

– Хоть где, – вроде и не удивился невидимому собеседнику Гринька. А может, это он сам себе отвечал. – У отца, если найду, а если нет – в Е-бург подамся.

– Где отец? Где отец? – не унимались качели.

– Хрен его знает где. – На вопросы об отце мать упорно отмалчивалась, но Гриня попросил соседского Степку, и тот нашел в соцсетях какого-то мужика с такой же фамилией и по возрасту вроде подходящего. Он на Пушкинской живет. К нему и решил наведаться Гриня.

– Что скажешь? Что скажешь?

– Скажу, что сын.

– А если это совершенно посторонний человек? У него жена, дети. Скандал выйдет. Нехорошо.

– Плевать! Чужой, так чужой. Пускай живут. А если не чужой... Жить у него буду.

– Пустит – не пустит? Пустит – не пустит?

– Не пустит, в Е-бург уеду. На электричке вон...

– Полиция снимет, в детприемник отправит. Хочешь в тюрьму? Хочешь в тюрьму?

– Плевать!

– А мама? А мама?

– Достала, блин! Опять мужика привела. До этого дядя Коля был, пил да нас гонял. Она Леськой брюхатая ходила, и то он ей поддавал. Хорошо хоть посадили. Украл с дружками что-то. Только год и прожили спокойно. Она опять!

– Пьет и бьет? Пьет и бьет?

– Нет. С этим все целуются. Любовь до гроба – дураки оба.

– Обижает? Обижает?

– Так-то нет. Только воспитывает все время: убираться заставляет, посуду мыть, книжку читать. Велик купить обещал. Да на хрена мне велик, лучше бы смартфон подарил. У всех есть, один я, как лох.

– Ты – лох. Ты – лох.

– Чо это?

– Отчим хороший. Отчим хороший.

– Ага, хороший! Заделает ей ребенка и свинтит. Не верю я никому. Пускай живут, как знают, а я сам как-нибудь без ихнего воспитания.

Гринька говорил все это, а сам раскачивался сильнее и сильнее. Он уже не знал, отчего злится больше: от того, что отчим заставлял его в комнате прибраться, или от того, что замерз, проголодался и спать сильно хочет.

Гриня качнулся еще раз особенно резко и неожиданно слетел с качелей.

Удар о землю вышел таким сильным, что мальчик потерял сознание. Очнувшись, он попытался подняться, но тут же закричал от боли, пронзившей ногу. И тут же в ответ послышалось:

– Гриша! Гриша! Сынок!

Со стороны Юбилейной, где они жили, бежали мать и этот «козел». Он первым добрался до Гриньки, осторожно поднял его на руки.

– Потерпи маленько. Сейчас, сейчас... – мужчина чуть ли не бегом понес ребенка в больницу, благо она рядом тут, детская-то.

Гриня попытался было вырваться, но болела не только нога. Казалось, все тело на кусочки треснуло. Да и на больших этих сильных руках было тепло и совсем не страшно.

– Ладно, пусть пока, – подумал мальчик, невольно прижимаясь щекой к плечу отчима.

– Вот так, вот так, – проскрипели качели. Они едва заметно подались вперед-назад еще пару раз и окончательно остановились.

Сухоложцы спали в своих постелях, зная не зная и ведать не ведая, что в бессонном дозоре бережет их покой городская стража. Фонари горят, чтоб не плутать им в темноте, тротуары ровно под ноги ложатся, чтобы не запнулись, не споткнулись, деревья и кусты воздух чистят, лавочки и скамейки отдохнуть предлагают, игровые площадки детей порезвиться зовут. Люди на них и внимания особо не обращают, они же неустанно заботятся о безопасности и удобстве горожан, память хранят, ну а при случае могут и слово молвить, уму-разуму поучить.

КНОПКИ ПАМЯТИ

– Сегодня в рамках «Разговора о важном» мы с вами посмотрим, как прошлое соединяется с настоящим, – Светлана Петровна обвела взглядом отсутствующие, скучающие, насмешливые лица одиннадцатиклассников. – Я не стану мучать вас рассказами по методичке, рекомендованной министерством образования. Я предлагаю вам квест.

Вы видите у себя на столах очки, создающие виртуальную реальность. Они перенесут вас в разные периоды существования нашего города, начиная с семнадцатого века, когда на берегу Пышмы появились переселенцы, с которых и началась история Сухого Лога. Кроме того, вам предоставлены ловушки слов. Вы уже разглядели их. Они похожи на маленькие сачки. Из своих путешествий вы должны принести в этих приспособлениях слова, которые давно вышли из употребления.

– Мы должны в виртуале только слова ловить или еще что-то делать? – уточнил дотошный педант отличник.

– Это по обстоятельствам, – улыбнулась Светлана Петровна, и ребята надели очки.

– Чего стоишь, ровно захребетник какой! – строго прикрикнул на Колю высокий бородатый старик. Лохматые мужики в длинных рубахах и лаптях возились с огромным пнем.

– Я не умею, – возразил было Коля, но старик грозно оборвал его:

– Хватит уросличать!

Он сунул парню в руки большие валяные рукавицы и подал топор. Коля опасливо размахнулся, стукнул по выступающему из земли корню. Отдача вышла такая, словно по самому телу юноши удар пришёлся. Он аж отскочил от пня. А мужики, как ни в чем не бывало, окапывали, выворачивали, подрубали толстые, широко разветвившиеся, переплетенные в земле корни. Коля разозлился и принялся яростно махать топором.

Когда, раскачав огромный пень, его, наконец, выдрали из земли и повалили на бок, Коля испытал странную радость, которую никогда не знал раньше. «Ва/ряги», – улыбнулся он, сняв рукавицы и похлопав их друг от друга. На ладонях горели и жгли волдыри мозолей, но это оказалось совсем неважно.

Парень вернулся в школьную реальность с сачком, полным слов: «староверы, захребетник, уросливый и, конечно, ва/ряги».

Услышав нарастающий гул, Паша поднял голову. К ним приближался допотопный аэроплан. Красноармейцы стояли под Ирбитскими Вершинами. С каждой секундой приближалась их смерть. Куда на открытой местности от самолёта спрячешься? Беляк, хоть и летел, может быть, на разведку, от удачи из пулемёта врагов покосить не откажется.

Антон Щелконогов, из ворота которого выглядывала застиранная добела тельняшка, вскинул трёхлинейку. Поднял свою винтовку и Паша. Это, конечно, не АКМ, не лазер, не бластер, с которыми он привык в компьютерных играх управляться, но на курок то нажать ума много не надо. Парень повёл стволом, прицеливаясь, но бывший морячок опередил его.

Подбитый самолёт загорелся, начал стремительно падать, оставляя за собой широкий хвост чёрного дыма.

– Файтерский.

– Не, это Ньюпорт, точно говорю, Ньюпорт, – переругались красноармейцы, бегущие к рухнувшему аэроплану. Паша, закинув винтовку за спину, поспешил за ними.

В класс он вернулся с сачком, в котором перекачивать слова «трёхлинейка» и «Ньюпорт».

– Что это? – Ирина с испугом оглядываясь вокруг. Она находилась в каком-то помещении, где посередине стоял длинный немый стол, а вдоль него засаленные лавки. Пол под ногами, казалось, вообще не знал, что такое мокрая тряпка. По бокам за разномастными задергушками скрывались узенькие клетушки. Ирина осторожно сдвинула ветхий полог. За ним она увидела топчан, заброшенный жалким тряпьем. Ближайшая к выходу занавеска скрывала два жестяных умывальника. Девушка постучала рукой по носику, и ей в ладонь выкатилась холодная капля. В этот момент в помещение вошла женщина с охапкой дров. Открыв дверцу голландки, она подбросила в топку пару поленьев. Мимо с визгом носилась ребятня.

– Это лагерь? Заключённые? – в ужасе подумала Ирина. Она испугалась, что её тоже заставят жить здесь и поспешила выйти. Пройдя какое-то время

по утоптанной дорожке, девушка увидела большой котлован, в котором муравьями сновали десятки людей. Они долбили, копали землю, вытаскивали её на носилках, вывозили на тачках.

Из-за поворота показалась женщина с вёдрами, полными воды.

– Извините, это что? – робко спросила её Ирина, показывая на котлован.

– Как что? – возмутилась незнакомка. – Завод строим, шумный. А ты кто? Откуда? Зачем тут? Если на работу наниматься, так тебе в контору, – кивнул она головой куда-то влево.

– Да, да, спасибо! – Ирина направилась в сторону, указанную женщиной. У нее в голове не укладывалось. Она же вчера мимо Шамотки проходила. У заводоуправления стены светлой плиткой облицованы, крыша зелёная, туи растут, клумба разбита. А тут... Как же они здесь работают? Как живут?

Ирина в смятении чувств обводила взглядом одноклассников, каждый из которых находился сейчас в каком-то давно прошедшем времени. В ее сачке - ловушке грустно лежала одно единственное слово «барак».

Денис свернул листок треугольником, посплювив химический карандаш, сделал пожирнее буквы адреса: «Свердловская область, город Сухой Лог, улица Пионерская...». Он снова сунул грифель в рот, чтобы ещё раз обвести номер дома и фамилию, но сделать этого не успел. Прозвучала команда, и, спрятав письмо за пазуху, Денис вместе с другими бойцами ринулся в атаку.

Вокруг гудело, рвалось, бахало, свистело. Он бежал, кричал, стрелял. Голос тонул в грохоте боя, и выстрелы были неслышны, только его ППШ бился в руках, как бешеный, становясь всё горячее.

И вдруг Денис словно наткнулся с размаху в невидимую преграду. Его отбросило назад. Он упал навзничь, и, пока в груди разливалась обжигающая боль, Денис успел увидеть над собою в небе бронзовую фигуру солдата с Ржевского мемориала, которого уносят в высь журавли. «Я убит подо Ржевом», - с ужасом подумал юноша и оказался сидящим за своим столом в классе. Он принёс с собой из огненного прошлого три слова: «фронтной треугольник, автомат ППШ и химический карандаш».

Максим с удивлением разглядывал сборище молодых людей. Полный зал парней и девушек, но все какие-то кислые. На трибуне стоял докладчик.

– Комсомольцы нашего предприятия не должны оставаться в стороне, когда весь советский народ заступил на трудовую вахту, чтобы досрочно выполнить план одиннадцатой пятилетки. Предлагаю обсудить, какие обязательства возьмёт на себя молодёжь «Вторцветмета». Застрельщиками в этом деле, не сомневаюсь, станут члены КМК. Во всех цехах, на всех участках следует серьёзно взвесить, насколько досрочно мы сможем выполнить пятилетний план. Резолюции собраний через неделю должны быть предоставлены в заводской комитет комсомола для принятия окончательного решения по предприятию. Всем ясно? Переходим ко второму вопросу. Отчёт о работе «Комсомольского прожектора».

Максим зевнул. Он ничего не понял и чуть было не уснул. Однако и в его сачке был улов: «КМК, «Комсомольский прожектор» и пятилетка».

Нюта накинула халатик и вышла на кухню. Мама снимала с плиты закипевший чайник.

– С добрым утром!

– С добрым, – со вздохом ответила мама. Она налила кипяток в чашку и пододвинула к Нюте банку, на дне которой оставалось две ложки яблочного варенья.

– Доскребай, будешь пить как вроде компот.

– А ты?

– Да я уже...

– А мне? – выползла на кухню заспанная Машенька.

– Куда босиком! – подхватила ее на руки мать. – Ты в садике кашку поешь, котлетку.

– Макароны! – фыркнула малышка. – Там одни макароны.

Нюта отлила сладкой воды в чистую чашку и протянула сестренке.

Мама смотрела в окно остановившимся взглядом:

– Может быть, сегодня аванс дадут, или по взаимозачету какие-то продукты через буфет.

– Мама, ты же говорила, у нас ваучеры есть. Может, их продать?

– Забудь. Нет у нас ничего. Обманули, обобрали... Нюта, ты помоги Машеньку в садик собрать, – женщина передала старшей дочери младшую, а сама заперлась в ванной. Там она открыла посильней кран, чтобы звук льющейся воды заглушил ее отчаянные рыдания.

Анюта сама едва удержалась от слез. В ее сачке корчились слова: «ваучер», «взаимозачет».

Достаточно! – Светлана Петровна похлопала в ладоши. - Все вернулись из своих приключений? Прекрасно. Вижу, старые слова тоже принесли. Молодцы! К следующему занятию еще раз уточните значение этих слов. Подумайте, как то, что вы видели, в чем участвовали, может быть связано с днем сегодняшним. А еще пофантазируйте, какие из тех слов, которыми мы часто пользуемся сегодня, могут оказаться забытыми, странными, непонятными в будущем.

Вы спросите, зачем притащили из прошлого все эти «захребетник», «трёхлинейка», «взаимозачёт»? Затем, что эти слова - кнопки памяти: каждое из них - маркер эпохи. А сама память – это то, что делает человека человеком. Отними её, и теряется личность, рушится мир.

Вы, конечно, можете не выполнять моего задания. «Разговоры о важном» - не урок. Это то, что постоянно должно происходить в уме и сердце каждого из нас.

Ну, вот и звонок. Юля Быкова, собери, пожалуйста очки.